

Збигнев БЖЕЗИНСКИЙ
Стратегический взгляд
Америка и глобальный кризис

NEOCLASSIC

Политический инсайд (Эксмо)

Збигнев Казимеж Бжезинский

**Стратегический взгляд:
Америка и глобальный кризис**

«АСТ»

2012

УДК 327(73)
ББК 66.4(7Coe)

Бжезинский З.

Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис /
З. Бжезинский — «АСТ», 2012 — (Политический инсайд
(Эксмо))

ISBN 978-5-17-087508-5

Никогда еще знаменитый «американский ястреб» Збигнев Бжезинский так резко не критиковал политику США, как в этой книге. Времена меняются, мир становится многополярным, и если США не пересмотрят свою концепцию глобальной роли «Богом избранного гегемона в мировой политике», то их ждет точно такой же системный кризис, какой погубил в свое время СССР, считает он. Как помочь Америке осознать свое положение в новой политической системе XXI века и найти противовес стремительно растущему Китаю, все активнее влияющему на геополитику? Как установить баланс между Востоком и Западом и какую роль в этом должна сыграть Европа? Какие предложения должны США сделать России в самом ближайшем будущем, чтобы вовлечь ее в орбиту интересов «Большого Запада»? Бжезинский ищет и находит ответы на эти и многие другие важнейшие вопросы современности...

УДК 327(73)
ББК 66.4(7Coe)

ISBN 978-5-17-087508-5

© Бжезинский З., 2012

© АСТ, 2012

Содержание

Введение	7
Часть I	10
1. Становление глобальной власти	11
2. Подъем Азии и рассредоточение мировых сил	16
3. Влияние глобального политического пробуждения	23
Часть II	30
1. Общая «Американская мечта»	31
2. Долой самообман!	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Збигнев Бжезинский

Стратегический взгляд:

Америка и глобальный кризис

Zbigniew Brzezinski

STRATEGIC VISION:

AMERICA AND THE CRISIS OF GLOBAL POWER

Перевод с английского М. Десятовой

Оформление и компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения издательства Basic Books, an imprint of Perseus Books, Inc. (США) и агентства Александра Корженевского (Россия)

Введение

Современный мир отличается интерактивностью и взаимозависимостью. Кроме того, впервые в истории привычные международные конфликты померкли перед общей проблемой выживания человечества в целом. К сожалению, ведущим державам еще только предстоит выработать совместные пути решения новых растущих угроз человеческому благополучию – экологических, климатических, социальноэкономических, продовольственных и демографических. Однако без опоры на геополитическую стабильность любые попытки добиться необходимого международного взаимодействия обречены на провал.

Перераспределение мирового баланса сил и зарождающееся масштабное политическое пробуждение увеличивают – каждое по-своему – нестабильность современных международных отношений. По мере того как растет влияние Китая и как другие претенденты на мировое лидерство – Россия, Индия, Бразилия – конкурируют друг с другом за ресурсы, безопасность и экономическое преимущество, растет вероятность недопонимания и конфликтов. Соответственно Соединенным Штатам необходимо стремиться к выстраиванию более широкого геополитического фундамента для конструктивного сотрудничества на мировой арене, учитывая растущие ожидания все более беспокойного мирового сообщества.

С учетом вышеперечисленного в этой книге мы попытаемся ответить на четыре основных вопроса:

1. Каковы возможные последствия смещения баланса мировых сил с Запада на Восток и как отражается на нем новый фактор пробуждения политической сознательности?

2. Почему слабеет мировое влияние Америки; каковы симптомы ее внутриэкономического и внешнеполитического упадка; как Америка упустила уникальную возможность, полученную после мирного окончания «холодной войны»? И напротив, каковы регенерационные ресурсы Америки и какая необходима геополитическая переориентация, чтобы вернуть мировое влияние в прежнем объеме?

3. Каковы возможные геополитические последствия в том случае, если международное главенство Америки действительно ослабнет, кто пострадает от такого развития геополитических событий прежде всего и как оно отразится на мировых проблемах XXI века? Отберет ли Китай у Америки ведущую роль на мировой арене к 2025 году?

4. Какие долгосрочные цели должна наметить себе возрождающаяся Америка на период после 2025 года? Как ей с ее традиционными европейскими союзниками привлечь к сотрудничеству Турцию и Россию, чтобы расширить и оздоровить нынешний Запад? Как одновременно с этим выстроить на Востоке тесное сотрудничество с Китаем, не сосредоточивая свое конструктивное присутствие в Азии исключительно на нем и избегая опасного вмешательства в азиатские конфликты?

Ответы на эти вопросы строятся на убеждении, что Америка в ближайшие годы не утратит своей ведущей роли на мировой арене. В свете перераспределения мировых сил и растущего международного противостояния тем более важно, чтобы Америка не превратилась в невежественное полицейское государство и не увязла в трясине присущего ее культуре потребительства. Иначе геополитические перспективы в мире, где центр тяжести смещается с Запада на Восток, будут становиться все безнадежнее. Миру нужна экономически сильная Америка, социально привлекательная, ответственно распоряжающаяся своим могуществом, стратегически целеустремленная, пользующаяся международным уважением и исторически грамотная в своих отношениях с новым Востоком.

Насколько вероятна такая глобальная целеустремленность Америки? Сейчас ее идейный настрой нетверд, и рассуждения об исторической неизбежности ее упадка ведутся

сплошь и рядом. Однако периоды подобного пессимизма уже случались, а прогнозы такого рода не оправдываются. Даже широко распространенное после Второй мировой войны убеждение, что XX век – это век Америки, не исключало приступов тревоги, касающихся далекого будущего страны.

Когда во времена президентства Эйзенхауэра Советский Союз запустил свой первый космический спутник, американцев начали одолевать сомнения по поводу перспектив страны в мирном и военно-стратегическом соревновании. Затем, когда США не сумели одержать убедительную победу во Вьетнаме во времена Никсона, советское руководство уверенно предрекало Америке скорое поражение, а пессимистически настроенные американские руководители взяли курс на разрядку напряженности, чтобы сохранить статус-кво в разделенной на два лагеря Европе. Однако вопреки прогнозам Америка выстояла, а советская система развалилась.

К 1991 году, после развала сперва советского блока, а затем и самого Советского Союза, Соединенные Штаты остались единственной мировой сверхдержавой. Теперь американским обещал стать уже не только XX, но и XXI век. Это подтверждали и президенты Билл Клинтон и Джордж Буш. В академических кругах им вторили смелыми заявлениями, что конец «холодной войны» означает, по сути, «конец истории», конец споров о преимуществе того или иного государственного строя. Победа либеральной демократии провозглашалась не только решающей, но и окончательной. Учитывая, что либеральная демократия зародилась на Западе, подразумевалось, что отныне именно Запад и будет диктовать стандарты остальному миру.

Однако этот бьющий через край оптимизм длился недолго. Потребительская культура и дерегулирование экономики, наметившееся при Клинтоне и продолжившееся при Буше-младшем, привели к тому, что на рубеже столетий лопнул мыльный пузырь фондового рынка, а менее чем десятилетие спустя начался крупномасштабный финансовый кризис. Результатом разорительного одностороннего курса Буша-младшего стали десятилетняя война на Ближнем Востоке и развал внешней политики США в целом. Финансовая катастрофа 2008 года чуть не повергла страну в новую экономическую депрессию, заставив Америку – и большую часть Запада – задуматься о том, к каким пагубным последствиям ведет необузданное потребление. При этом в Китае и других азиатских странах немыслимый на первый взгляд сплав экономического либерализма с государственным капитализмом оказался неожиданно благоприятной почвой для экономического и технологического роста. Что, в свою очередь, спровоцировало новые тревоги о будущем Америки как ведущей мировой державы.

Между Советским Союзом на закате его дней и Америкой начала XXI века действительно наблюдается тревожное сходство. Советский Союз – с его коснеющим государственным аппаратом, неспособным к серьезному пересмотру политической программы, – по сути разорил сам себя, отчислая неподъемную долю ВВП на многолетнее военное соперничество с США плюс дополнительные затраты на десятилетние попытки завоевать Афганистан. Неудивительно, что Союз не выдержал конкуренции с Америкой в области передовых технологий и отстал еще сильнее, экономика забуксовала и качество жизни по сравнению с западным еще больше ухудшилось; правящая коммунистическая верхушка цинично игнорировала растущую социальную пропасть, лицемерно скрывая собственное привилегированное положение; и наконец, на международной арене Союз все больше обособливался, портя отношения со своим когда-то главным союзником в Евразии – коммунистическим Китаем.

Эти параллели, пусть даже несколько утрированные, убеждают нас, что Америке необходим новый путь, всеобъемлющая и долгосрочная геополитическая программа, отвечающая требованиям меняющегося исторического контекста. Только динамичная и стратегически мыслящая Америка вместе с объединяющейся Европой смогут совместными силами

работать над созданием расширенного и более энергичного Запада, способного стать ответственным партнером расправляющему плечи Востоку. В противном случае геополитически расколотый эгоцентричный Запад рискует повторить бесславную судьбу ослабевшего в XIX веке Китая, тогда как Востоку грозит опасность, по аналогии с европейскими государствами XX века, погрязнуть в саморазрушительной борьбе за власть.

Задача этой книги – наметить необходимую стратегическую линию, попытавшись заглянуть в будущее после 2025 года.

Збигнев Бжезинский

Март 2011

Часть I Угасающий Запад

«В конце концов мировой политике непременно станет все больше несвойственна концентрация власти в руках одного государства. Следовательно, США не только первая и единственная сверхдержава в поистине глобальном масштабе, но, вероятнее всего, и последняя. <...> Маловероятно, чтобы в ближайшие годы какое-либо государство достигло 30-процентного уровня мирового валового внутреннего продукта, который США имели на протяжении большей части нынешнего столетия, не говоря уже о 50 %, которых они достигли в 1945 году».

Из заключения к «Великой шахматной доске» Збигнева Бжезинского, 1997, пер. О.Ю. Уральской

Долгое политическое господство Запада на мировой арене уже несколько десятилетий идет на спад. В 1990-х на краткий миг возникло ощущение, что Запад вопреки двум попыткам Европы совершить коллективное самоубийство в первой половине XX века еще может вернуть прежний статус. Мирное окончание «холодной войны», завершившееся распадом Советского Союза, знаменовало последний этап становления Соединенных Штатов как первой по-настоящему глобальной сверхдержавы. Вместе с Евросоюзом в качестве политически мотивированного и экономически динамичного партнера этот международный лидер казался способным не только возродить мировую гегемонию Запада, но и определить себе конструктивную ведущую роль.

Сегодня, двадцать лет спустя, мало кто видит Евросоюз серьезным политическим игроком в ближайшем будущем, и господствующее положение Америки на мировой арене тоже под вопросом. Поскольку Запад больше не способен действовать как единое целое, долговечность его политического наследия также сомнительна. Канул в Лету тот недолгий период, когда казалось, что Запад оставит миру в наследство международную демократию, мир во всем мире и устраивающий всех общественный договор. Однако перераспределение мировых сил, отражающееся на применении этих сил глобальное политическое пробуждение, а также печальные последствия недавних внешнеполитических действий США и рост сомнений относительно жизнеспособности американского строя в совокупности сильно пошатнули веру в это благополучное наследие Запада.

1. Становление глобальной власти

Самое понятие державы, обладающей мировым влиянием, появилось относительно недавно. Тысячелетиями люди жили в обособленных сообществах, не подозревая о существовании далеких соседей по планете. Миграции и спорадические столкновения с чужаками происходили на фоне полного отсутствия представлений о мире в целом. Лишь в последние лет восемьсот люди стали понемногу – поначалу весьма смутно – осознавать, что где-то есть другие народы. Сперва этому способствовали экспедиции и нанесение на карту прежде неизведанных территорий, а затем колонизация и массовые переселения. Все это привело в конечном итоге к соперничеству империй, которое, в свою очередь, вылилось в две кровопролитные войны за мировое господство, а затем мировое системное противостояние «холодной войны». Совсем недавно «тесноте» нашего мира добавили наглядности космические исследования, а на ночных фотографиях из космоса виден разительный контраст между скоплениями огней цивилизованных территорий – особенно тех, которые относятся к геополитическому Западу, – и темными, технологически менее развитыми, но все более перенаселенными частями остального мира.

Государства, расположенные на западноевропейском побережье Северной Атлантики, первыми пустились в целенаправленное активное исследование планеты. Ими двигала мощная совокупность факторов: развитие навигационных приборов, стремление обратить другие народы в свою веру, жажда монархической и личной славы и, не в последнюю очередь, тяга к обогащению. Отчасти благодаря этому гандикапу почти полторы тысячи лет западноевропейские страны владели территориями, сильно удаленными от континентального доминиона. Таким образом границы Запада раздвинулись – сперва благодаря завоеваниям, затем переселению – от Атлантического побережья Европы до Западного полушария. Португалия с Испанией завоевали и колонизировали Южную Америку, Британия с Францией – Северную. Когда впоследствии обе Америки получили политическую независимость от Европы, началась широкомасштабная миграция европейцев в Западное полушарие. К тому времени западноевропейские морские державы, имеющие выход в Атлантику, добрались до Индийского и Тихого океанов, установили свою власть на территории нынешней Индии и Индонезии, подчинили некоторые части Китая, отхватили себе почти всю Африку и Ближний Восток, а также прибрали к рукам многочисленные острова Тихого и Индийского океанов и Карибского моря.

С XVI до середины XX века этот культурно-политический охват обеспечил европейским государствам североатлантического региона дискретное политическое господство почти по всему земному шару. (В этом отношении колониальные империи фундаментально отличались от древних региональных империй, обособленных и охватывающих какую-то территорию целиком, – Римской, Персидской, империи Великих Моголов, Монгольской, Китайской и империи инков, каждая из которых считала себя центром земли, почти ничего не зная о географии мира за пределами своих земель.) Активно расширяла свои сухопутные границы с XVII по XIX век царская Россия, однако и она, за кратковременным исключением в виде Аляски, присоединяла лишь прилегающие территории. То же самое можно сказать и о расширении границ Османской империи на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе.

Империи на пике территориального охвата

1. Британская империя (1920)	34 000 000 кв. км
2. Монгольская империя (1309)	24 000 000 кв. км
3. Российская империя (1905)	23 000 000 кв. км
4. Вторая Французская колониальная империя (1920)	15 000 000 кв. км
5. Маньчжурская (Цинская) империя, Китай (1800)	15 000 000 кв. км
6. Испанская империя (1800)	14 000 000 кв. км
7. Омейядский халифат (720)	11 000 000 кв. км
8. Юаньская династия, Китай (1320)	11 000 000 кв. км
9. Аббасидский халифат (750)	11 000 000 кв. км
10. Португальская империя (1815)	10 400 000 кв. км
11. Империя Ахеменидов, Персия (480 до н.э.)	8 000 000 кв. км
12. Римская империя (117)	6 500 000 кв. км

Однако затяжные конфликты между властвующими над миром атлантическими морскими державами Европы пошатнули их геополитическое положение относительно набирающих силу государств, располагающихся в глубине Европы и в Северной Америке. К XVIII веку в результате этой непрекращающейся борьбы претендентами на заокеанское господство остались лишь две державы – Великобритания и Франция. Силы иберийцев истощили разорительные в финансовом и стратегическом отношении бесконечные войны XVI–XVII веков с Нидерландами и немецкими провинциями, а голландское могущество начало слабеть в конце XVII века, подавляемое Британией на море и воинственной соседкой Францией на суше.

Когда к середине XVIII века дым сражений рассеялся, Великобритания и Франция остались единственными соперницами в борьбе за имперское господство. В XIX веке это трансокеанское соперничество за колониальные владения перетекло в борьбу за господство и в самой Европе, а в начале XX века – в альянс против Германии, набирающей силы континентальной европейской державы, которая, по неслучайному совпадению, тоже вступила в международную борьбу за колонии. Из двух вспыхнувших вслед за тем мировых войн Европа вышла разоренной, расколотой и деморализованной. Неудивительно, учитывая, что после 1945 года евразийский гигант под названием Советский Союз, победно закрепившись в самом сердце Европы, явно намеревался, как монголы семью сотнями лет ранее, прокатиться еще дальше на Запад.

Тем временем на другом берегу Северной Атлантики Соединенные Штаты на протяжении всего XIX века наращивали свою промышленную и военную мощь, пользуясь географической удаленностью от разорявших Европу имперских и континентальных распрей. Своим вмешательством в две мировые войны первой половины XX века Штаты уберегли Европу от германского господства, однако действия свои они вели на расстоянии, поэтому избежали беспрецедентной разрухи и массовых жертв. Более того, благодаря своему завидному экономическому и геополитическому положению в конце Второй мировой войны Америка обрела новый статус – хозяйки мировой арены. В результате во время последовавшей «холодной войны» между Востоком и Западом мир наблюдал появление нового, трансатлантического, Запада, где Штаты играли роль кормильца, а значит, и главы.

Америка и независимые западные остатки Европы – связанные общей задачей сдерживать натиск Советского Союза, а также общностью политического и экономического строя, а значит, и идеологией – образовали геополитический костяк перекроенного заново Атлантического альянса, пытающегося устоять перед трансевразийским китайско-советским блоком. Институционализировать эти узы помогло создание НАТО, а Западная Европа тем временем, пытаясь ускорить послевоенное восстановление, начала экономическую интеграцию, объединившись в Европейское экономическое сообщество, преемником которого впоследствии стал Евросоюз. Однако Западная Европа оставалась уязвимой для Советской державы, поэтому почти официально превратилась в протекторат Америки, попав к ней же в неофициальную финансово-экономическую зависимость.

Тем не менее по прошествии четырех десятилетий тот самый трансатлантический обороняющийся Запад вдруг превратился в сильнейшего игрока на мировой арене. К краху Советского Союза в 1991 году, последовавшему за распадом советского блока в Восточной Европе двумя годами ранее, привело сочетание социальной усталости, политической несостоятельности, идеологических и экономических просчетов марксизма, а также успешной внешней политики Запада по «военному сдерживанию» и мирному идеологическому проникновению. Непосредственным результатом этого краха стало окончание полувекового разделения Европы. В глобальном смысле он также знаменовал превращение Евросоюза в самостоятельный источник весомого финансового и экономического (а в перспективе даже военно-политического) влияния. Таким образом, поскольку объединяющаяся Европа оставалась в геополитическом союзе с Соединенными Штатами – к тому времени единственной в мире военной сверхдержавой, обладающей самой передовой и процветающей экономикой, – атлантический Запад на пороге XXI века готовился к наступлению новой эры своего господства.

Финансово-экономический фундамент для этой мировой гегемонии уже существовал. Даже во время «холодной войны» капиталистический строй и невероятный динамизм американской экономики обеспечивал атлантический Запад несомненным финансово-экономическим преимуществом перед своим геополитическим и идеологическим противником, Советским Союзом. Поэтому, несмотря на серьезную военную угрозу, атлантические державы смогли закрепить свое господствующее положение на мировой арене посредством развивающейся сети взаимодействующих международных организаций, начиная от Всемирного банка и МВФ и заканчивая ООН, тем самым создавая фундамент для долгосрочной мировой гегемонии.

Аналогичным образом выросла в этот период идеологическая привлекательность Запада. В Центральной и Восточной Европе Запад рождал благоприятный образ соблюдения прав человека и политической свободы, тем самым ставя Советский Союз в невыгодное положение. К концу «холодной войны» Америка и западные страны уже прочно ассоциировались с универсально привлекательными принципами человеческого достоинства, свободы и процветания.

Если притягательность Запада возрастала, то географический охват после Второй мировой, наоборот, существенно сузился. Две мировые войны значительно подорвали силы западных империй, а новый гегемон – Америка – отказался от имперского наследия европейских союзников. Президент Рузвельт открыто заявлял, что активное участие Штатов в освобождении Европы во время Второй мировой не подразумевает реставрации колониальных империй Великобритании, Франции, Нидерландов, Бельгии и Португалии.

Однако принципиальное неприятие Рузвельтом колониализма не мешало ему проводить захватническую политику, нацеленную на занятие ключевых позиций в основных нефтяных странах Ближнего Востока. В 1943 году, беседуя с британским послом в США у карты Ближнего Востока, Рузвельт высказался без обиняков: «Персидская нефть ваша. Иракская и

кувейтская – пополам. Но саудовско-аравийская – наша»¹. Так началось обернувшееся впоследствии серьезными проблемами политическое вторжение США в этот регион.

Конец европейских империй во многом приблизил растущая напряженность в колониях. Началась борьба за национальное освобождение, советская идеологическая и вооруженная поддержка угнетенных сильно осложняла репрессивные меры. В новой политической действительности распад старых колониальных империй европоцентрического Запада оказался неизбежным. Британия мудро (не дожидаясь, пока ее вынудят силой) предпочла удалиться из Индии, а потом и с Ближнего Востока (оставив после себя религиозную и этническую неразбериху, которая обернулась колоссальной гуманитарной трагедией в Индии и вылилась в непрекращающийся палестино-израильский политический конфликт, от которого по-прежнему стонет и Запад, и Ближний Восток). С подачи США британцы почти добровольно отказались от своих африканских колоний. Голландцы в Индонезии предпочли остаться и применить силу – но потерпели поражение. Точно так же проиграли и французы в двух кровопролитных колониальных войнах – сперва вьетнамской, затем алжирской. Португальцев вынудили уйти из Мозамбика и Анголы. Таким образом, географические границы Запада сжимались, тогда как геополитическое и экономическое влияние, наоборот, росло – в основном благодаря расширяющемуся международному господству американской культуры, экономики и политики.

В то же самое время – скрытый от широкой публики туманом «холодной войны» – наметился более фундаментальный сдвиг в глобальном распределении политических и экономических сил. В конечном итоге он привел к перетасовкам в мировой иерархии, которые начали проявляться в результате финансового кризиса конца 2007 года. В процессе кризиса стало ясно, что для преодоления экономических трудностей уже недостаточно усилий единственной мировой сверхдержавы или Запада в целом и теперь требуется участие государств, которых до сих пор к решению мировых финансово-экономических проблем не допускали.

Практическое осознание этой новой действительности пришло, когда в 2008 году новыми участниками из Азии, Африки и Латинской Америки пополнилась «Большая восьмерка», превратившись из закрытого, преимущественно западного клуба в «Большую двадцатку», с более равномерным представительством частей света. О переменах свидетельствовало и то, что ведущие роли на первом собрании «двадцатки», созванном в США в 2009 году, отводились президентам двух государств – Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики.

Совокупным результатом этих событий стало осознание новой геополитической реальности: смещения центра тяжести мировой власти и экономического динамизма с атлантического региона на тихоокеанский, с Запада на Восток. Впрочем, как напоминают нам историки экономики, в течение восемнадцати столетий в общемировом ВВП неизменно преобладала доля Азии. Еще в 1800 году на Азию приходилось около 60 % мирового ВВП – по сравнению с европейскими 30 %. Одна доля Индии в мировом производстве доходила (согласно Джасванту Сингху, бывшему министру финансов Индии) в 1750 году до 25 % – примерно столько же составляет сегодня доля США. Однако за XIX–XX века, с вторжением европейского империализма, опирающегося на передовые промышленные и финансовые технологии, мировая доля Азии начала стремительно сокращаться. К 1900 году, когда Индия уже достаточно долгое время находилась под владычеством Британии, ее доля снизилась до жалких 1,6 %.

В Китай, так же как и в Индию, британский империализм пришел по пути, проторенному британскими торговцами. Огромный торговый дефицит от закупок китайского

¹ Peter Nolan, *Crossroads*, London, 2009. См. также Дэниел Ергин. Добыча. «Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть». М., 2011.

чая, фарфора, шелка и тому подобных товаров британские торговые компании надеялись покрыть продажей опиума китайским импортерам. Запоздалые попытки Пекина запретить ввоз опиума и ограничить доступ иностранным торговцам повлекли за собой два вооруженных вмешательства – сперва британское, затем британско-французское, которые ускорили резкое падение доли Китая в мировой экономике.

Былое экономическое превосходство Китая и Индии позволяет утверждать, что нынешний экономический подъем Азии – это, по сути, возвращение утерянного, но достаточно долговременного могущества. Однако необходимо отметить, что перевес Азии в ВВП достигался на фоне иной картины мира – с обособленностью и крайне ограниченным экономическим взаимодействием между регионами. Экономические связи между Европой и Азией строились в основном на бартерном обмене, осуществлявшемся в нескольких портах (в Калькутте, например), или на доставке товара караванами, медленно шествующими по Шелковому пути. Мировой экономики, характеризующейся постоянным взаимодействием и растущей взаимозависимостью, тогда не существовало.

Таким образом, в былые времена этот статистически внушительный, но не связанный с остальными регионами экономический прогресс Азии не был направлен вовне. В начале XV века Китай предпочел политику активной самоизоляции, еще ранее отказавшись воспользоваться технологическим преимуществом своего торгового флота и океанских военных кораблей для закрепления политического влияния. Индия при Великих Моголах обладала огромными богатствами, однако отличалась раздробленностью и не имела внешнеполитических притязаний. И действительно, единственный сколько-нибудь значимый пример устремления азиатской политической мощи на Запад – это поход Чингисхана, который со своими всадниками отрезал значительный кусок от евразийского пирога. Однако вышла эта дикая орда из страны с совсем уж крошечным ВВП, тем самым доказывая, что в те времена экономическая несостоятельность военным успехам не препятствовала.

2. Подъем Азии и рассредоточение мировых сил

Подъем на вершину мирового господства трех азиатских держав – Японии, Китая и Индии – не только изменил кардинальным образом баланс мировых сил, но и подчеркнул рассеянный характер геополитической власти. Превращение этих азиатских государств в значимые политико-экономические фигуры – феномен, свойственный исключительно периоду после Второй мировой, поскольку до второй половины XX века ни одна из этих стран не могла воспользоваться огромной численностью своего населения как преимуществом. Хотя, надо признать, предпосылки выхода Азии на международный уровень проявились еще во время непродолжительного торжества Японии как сильной военной державы после Русско-японской войны 1905 года. Однако вслед за этим неожиданным триумфом Япония загнала себя в ловушку военного империализма, обернувшегося в 1945 году полным поражением от рук США в войне, где своей основной задачей Япония провозглашала освобождение Азии от западного доминирования. Процесс последующего восстановления страны из руин, оставленных Второй мировой, уже давал представление о будущей Азии, укрепляющей свой международный статус за счет экономического роста.

Прочная антимилитаристская демократия, принятие оборонного покровительства Америки и целеустремленность в восстановлении разрушенного хозяйства создали в Японии благодатную почву для быстрого экономического роста. ВВП Японии, при высоком уровне сбережений, умеренной заработной плате, целенаправленном упоре на разработку высоких технологий и притоке иностранного капитала благодаря энергично продвигаемой экспортной продукции, вырос с 500 миллиардов долларов в 1975 году до 5,2 триллиона в 1995 году². Непродолжительное время спустя успех Японии повторили – правда, в условиях более авторитарного строя – Китай, Южная Корея, Тайвань, страны АСЕАН и Индонезия, а также более демократическая Индия.

В середине XX века Америка отличалась относительным благодушием и сперва не особенно замечала новую роль Японии в мировой экономике. Однако в 1980-е и в начале 1990-х Япония вдруг превратилась в источник беспокойства. Тревогу вызывала не столько геополитическая напористость Японии (остававшейся как-никак верным союзником Америки и исповедовавшей пацифизм), сколько очевидное преобладание на американском внутреннем рынке японской электроники, а затем и автопрома. Паранойя подогревалась паникерскими репортажами СМИ о приобретении Японией контрольного пакета акций ключевых американских промышленных предприятий (в том числе символически значимых – как Рокфеллеровский центр в Нью-Йорке). Япония превратилась в центр экономического влияния, торговый гигант и даже растущую угрозу американскому промышленному и финансовому мировому господству. Японию как «супергосударство» склоняли на все лады и в паникерских публикациях СМИ, и в демагогических речах в конгрессе. Панику, которая поутихла только после «потерянного» для Японии десятилетия 1990-х, сильно замедлившего ее экономический рост, подпитывали научные теории, предвещающие, что Страна восходящего солнца обречет американскую экономику на неизбежный закат.

Несмотря на то что опасения насчет захвата Японией мировой экономики не оправдались, ее послевоенный скачок открыл Западу глаза на имеющийся у Азии потенциал для экономического и политического первенства. Это подтвердили последующие экономические успехи региона, особенно начатая по японскому примеру Южной Кореей в 1960-х годах программа развития экспортно-ориентированной экономики. К 2010 году президент когда-то нищей Южной Кореи мог с уверенностью заявлять о готовности страны играть ведущую

² Всемирный банк. Ежегодные показатели мирового развития. 25 апреля 2011 г.

роль в принятии глобальных экономических решений, – символическим тому подтверждением послужило проведение в Сеуле форума «Большой двадцатки» в 2010 году. Тайвань и Сингапур также продемонстрировали пример динамичного экономического роста и социального развития, далеко обогнав во второй половине XX века западноевропейские страны периода восстановления экономики после Второй мировой.

Однако все это лишь прелюдия к самому решительному рывку в ранней истории мировой геополитики и экономики – реактивному взлету Китая на вершину мирового Олимпа к первому десятилетию XXI века. Предпосылки к этому взлету нужно искать в далеком прошлом, с борьбы за национальное обновление, начатой более века назад молодыми китайскими интеллектуалами-националистами и несколько десятилетий спустя завершившейся победой китайской компартии. Несмотря на то что губительные для социально-экономического развития «Большой скачок» и «Культурная революция» Мао отбросили Китай на несколько лет назад, в 1978 году беспрецедентный толчок социально-экономической модернизации Китая дал Дэн Сяопин с его смелой либерализацией рынка, «распахнувшей» Китай навстречу внешнему миру и задавшей направление для небывалого роста. Этот экономический скачок означает конец единоличного главенства Запада и смещение мирового центра тяжести на Восток.

Переориентация внутренней экономики Китая совпала с драматичной геополитической перестановкой – разрывом с Советским Союзом. Постепенное охлаждение и растущая взаимная неприязнь в 1960-х вылились в открытый конфликт. Так у США появилась уникальная возможность, которой воспользовался сперва президент Ричард Никсон в 1972 году, а затем Джимми Картер в 1978-м, – выступить с Китаем единым фронтом против Москвы. За три последующих столетия Китай, который, избавившись от потенциальной советской угрозы, мог теперь сосредоточить силы на внутреннем развитии, вышел в модернизации инфраструктуры примерно на тот же уровень, которого добился Запад за предыдущее столетие. Несмотря на не решенные пока внутренние этнические вопросы, касающиеся Тибета и Синьцзяна, серьезную внутривластную встряску 1989 года и социальный разрыв между развитием города и деревни, достижения Китая впечатляют. Однако в конце концов и они подогрели народные и геополитические опасения Америки. Заявления о «скупке» Штатов Китаем звучали эхом былого возмущения тем, что японцы скупают акции американской недвижимости и промышленных предприятий. К 2010 году панические настроения, напоминающие вызванные в конце 1980-х Японией, заставили многих опасаться, что Китай вскоре вытеснит Америку с пьедестала ведущей мировой супердержавы.

Смещению мирового баланса сил на Восток способствовал также недавний выход на международную арену постколониальной Индии, одной из двух самых густонаселенных стран мира и тоже лелеющей глобальные амбиции. В современной Индии причудливо переплетаются демократическое самоуправление, острое социальное неравенство, экономический динамизм и масштабная коррупция в политике. Поэтому ее становление как влиятельного политического игрока состоялось позже Китая. Индия старалась держаться в тени так называемых неприсоединившихся стран – сохраняющих нейтралитет, но колеблющихся в политическом отношении государств, в числе которых были такие, как Куба и Югославия, декларирующие неучастие в «холодной войне». Короткое военное столкновение с Китаем в 1962 году, закончившееся поражением Индии, было затем частично заглажено победами в двух войнах с Пакистаном в 1965 и 1971 годах. В общем и целом до недавнего времени Индия представлялась носителем авторитетного морализаторского мнения по мировым проблемам, не обладающей достаточно авторитетным влиянием.

Это представление начало меняться в результате двух значительных подвижек: собственных ядерных испытаний, проведенных Индией в 1974 и в 1998 годах, и впечатляющего экономического роста, начавшегося в 1990-х. Либеральные реформы, включающие разгосу-

дарствление внешней торговли и инвестиций, а также поддержку приватизации, превратили когда-то анемичную и неповоротливую квазисоциалистическую экономику в более динамичную, основанную на услугах и высоких технологиях, тем самым обеспечивая Индии экономический рост за счет экспорта, по примеру Японии и Китая. К 2010 году Индию, начавшую опережать Китай по численности населения, уже считали способной перехватить у Китая пальму политического первенства в Азиатском регионе – несмотря на нерешенные внутренние проблемы (от религиозной, языковой и этнической розни до низкого уровня грамотности, острого социального неравенства, беспорядков в сельских районах и устаревшей инфраструктуры).

Политической верхушкой Индии движут стратегические амбиции, заключающиеся в усилении мирового влияния и обеспечении главенства в своем регионе. Постепенное улучшение индийско-американских отношений в первом десятилетии XXI века также укрепило мировой статус Индии, удовлетворяя ее амбиции. Однако от более широких геополитических устремлений ее удерживает незатухающий конфликт с Пакистаном, частью которого выступает борьба за влияние в Афганистане. В этом свете мнение внешнеполитической верхушки Индии о своей стране не только как о сопернице Китая, но и состоявшейся мировой супердержаве не выдерживает критики.

Тем не менее появление на мировой арене Китая как экономического соперника Америки, Индии как регионального центра тяжести и богатой Японии как тихоокеанской союзницы Америки не только кардинальным образом изменило расстановку мировых сил, но и подчеркнуло их рассредоточение. Это чревато серьезными последствиями. У азиатских держав в отличие от атлантических государств времен «холодной войны» нет (и не было) регионального союза. Они соперники, поэтому в некотором отношении напоминают европейские приатлантические страны эпохи колониального, а затем континентального соперничества за геополитическое превосходство, которое в конце концов вылилось в две кровопролитные мировые войны. Азиатское соперничество может создать угрозу региональной стабильности, особенно если принять во внимание огромное население азиатских стран и наличие у некоторых из них ядерного оружия.

Разумеется, между былым трансокеанским имперским соперничеством европейских держав и современным азиатским есть основополагающее различие. Главные азиатские соперники не борются за дальние заокеанские владения, а в Европе именно из-за этой борьбы мелкие столкновения переросли в крупные межгосударственные конфликты. Стычки между азиатскими странами не выплескиваются за рамки региона. И тем не менее даже региональный конфликт между любыми азиатскими странами (из-за островов, морских путей, береговых границ) может отразиться на глобальной экономике.

Более вероятная опасность, проистекающая из рассредоточения сил, – потенциальная нестабильность глобальной иерархии. Соединенные Штаты по-прежнему главенствуют, однако легитимность, эффективность и прочность этого лидерства вызывает все больше сомнений у мирового сообщества, наблюдающего, как Штаты вязнут во внутренних и внешних противоречиях. Тем не менее во всех значимых и ощутимых традиционных сферах влияния – военной, технологической, экономической и финансовой – Америка по-прежнему на коне. Она обладает самым крупным единым национальным хозяйством, сильнейшим финансовым влиянием, самыми передовыми технологиями и военным бюджетом, превышающим бюджеты всех остальных стран, вместе взятых, а также вооруженными силами, дислоцированными в разных частях света либо готовыми к быстрой переброске за границу. Возможно, такое положение дел продлится недолго, но пока для международных отношений это данность.

Евросоюз мог бы побороться за второе место в расстановке мировых сил, однако для этого нужен более спаянный политический альянс, с общей внешнеполитической програм-

мой и общей обороноспособностью. Но к сожалению для Запада, Европейское экономическое сообщество, расширившееся после «холодной войны» до Европейского союза, осталось союзом только на словах, на самом же деле названия следовало бы поменять местами. Более тесное «сообщество» западноевропейских стран в политическом отношении было сплоченнее, чем сменивший его «союз», охвативший почти всю Европу и обозначивший свое единство частично общей валютой, однако лишенный по-настоящему весомой центральной политической власти и единой финансовой политики. В экономическом отношении Евросоюз играет ведущую роль на мировой арене, значительно превосходя Штаты численностью населения и объемами внешней торговли. Однако благодаря своим культурным, идеологическим и экономическим связям с Америкой и особенно с НАТО Европа остается младшим геополитическим партнером Штатов на разобщенном Западе. Евросоюз мог бы сочетать мировое величие с глобальной системной актуальностью, но после окончательного падения империй европейские державы предпочли передать более затратную задачу поддержания мировой безопасности Америке, чтобы самим пустить свои ресурсы на обеспечение безопасности социальной (от колыбели до – и после – ранней пенсии), финансирующейся за счет растущего государственного долга, не связанного с экономическим ростом.

В свете вышеизложенного Евросоюз как таковой нельзя назвать крупной независимой величиной на глобальной арене, хотя Великобритания, Франция и Германия пока еще сохраняют остатки своего глобального статуса. Великобритания и Франция с 1945 года вместе с Америкой, Россией и Китаем обладают правом вето в Совете Безопасности ООН и – как и перечисленные три страны – владеют ядерным оружием. Однако Великобритания относится к Евросоюзу настороженно, а Франция не уверена в его далеко идущих глобальных планах. Германия – экономический двигатель Европы и по успехам в экспорте сопоставима с Китаем, однако принимать на себя оборонную ответственность за пределами Европы не спешит. Следовательно, эти европейские государства на деле пользуются глобальным влиянием лишь как участники более широкого альянса, несмотря на общую слабость Евросоюза в данный момент.

И напротив, мощный экономический импульс, способность принимать четкие политические решения, продиктованные здоровыми национальными интересами; относительная свобода от сковывающих внешних обязательств; стабильно растущий военный потенциал вкупе с ожиданиями мировой общественности, что вскоре Китай потеснит США с пьедестала, оправдывают помещение Китая на вторую ступень после США в текущей мировой иерархии. О растущей уверенности Китая в собственных силах свидетельствует и частота появления в его подцензурных государству СМИ высказываний о том, что он способен в будущем оспорить мировое лидерство Америки, несмотря на нерешенные внутренние проблемы, связанные с неравенством между городом и деревней и недовольством абсолютной политической властью со стороны народа.

Попытки ранжирования остальных крупных держав вслед за указанными двумя ведущими игроками обречены в лучшем случае на неточность. Однако в любом случае список будет включать Россию, Японию и Индию, а также неофициальных лидеров Евросоюза – Великобританию, Германию и Францию. Россия удерживает высокую геополитическую позицию в основном благодаря своим обширным нефтегазовым запасам, а также прочному статусу ядерной державы, уступающей только США, хотя это военное преимущество ослабляется внутренними экономическими, политическими и демографическими недостатками, не говоря уже о более сильном в экономическом отношении соседстве с востока и запада. Без ядерного оружия и зависимости некоторых европейских государств от российской нефти и газа Россия не поднялась бы так высоко в расстановке глобальных геополитических сил. В экономическом отношении она значительно отстает от Японии, и если та решит активизировать свою международную роль, то обгонит Россию и на большой геополитической арене.

Индия, с ее отстаиванием региональных позиций и глобальными устремлениями, тоже попадает в верхние строки, однако ее тянет вниз стратегический антагонизм с двумя ближайшими соседями, Китаем и Пакистаном, а также различные социальные и демографические проблемы. Бразилия с Индонезией уже претендуют на участие в принятии глобальных экономических решений в составе «Большой двадцатки» и надеются занять ведущие региональные позиции в Латинской Америке и Юго-Восточной Азии соответственно.

Обозначенный состав глобальной верхушки знаменует, как уже отмечалось, исторический сдвиг центра мировых сил в сторону от Запада, а также рассредоточение этих сил по четырем различным регионам. Теперь, когда эксплуататорское господство европейских держав на обширных территориях земного шара осталось в прошлом, новое распределение власти гораздо точнее отражает культурное многообразие. Времена, когда участники закрытого западного клуба – во главе с Великобританией, Францией и США – собирались, чтобы поделить власть на Венском конгрессе, на Версальской или Бреттон-Вудской конференциях, прошли безвозвратно. Однако (учитывая не изжитый давний антагонизм и региональное соперничество между более разрозненными в настоящее время и шире рассредоточенными десятью ведущими державами) новая расстановка сил усложняет достижение консенсуса в принятии глобальных решений – причем в эпоху, когда человечество вынуждено решать все более важные проблемы, среди которых есть и угрожающие самому его существованию.

Сокращение продолжительности жизни империй

Duration	Продолжительность
Byzantine	Византийская
Holy Roman	Священная Римская
Arabian	Арабская
Ottoman	Османская
Roman	Римская
Spanish	Испанская
Qin & Han Dynasties	Династии Цинь и Хань
Portuguese	Португальская
Sassanian	Сасаниды
British	Британская
Sui & Tang Dynasties	Династии Суй и Тан
French	Французская
Dutch	Голландская
Mogul	Великие Моголы
Ming Dynasty	Династия Мин
Qing Dynasty	Династия Цин
Russian	Российская
Mongol & successor states	Монгольская и наследники
Austro-Hungarian	Австро-Венгерская
Japanese	Японская
Italian Colonial	Итальянская колониальная
German	Немецкая

Трудно предсказать, сколько продержится эта новая пирамида ведущих держав. Не нужно забывать, что всего за одно столетие – приблизительно с 1910 по 2010 год – иерархия мировых сил успела кардинальным образом поменяться по меньшей мере пять раз, во всех случаях кроме четвертого, сигнализируя ослаблением мирового господства Запада. 1) В преддверии Первой мировой балом правили Британская и Французская империи, состоящие в союзе с ослабленной царской Россией, недавно потерпевшей поражение от расправляющей крылья Японии. Этому альянсу бросили вызов соседи по Европе – амбициозная имперская Германия, поддерживаемая слабой Австро-Венгрией и разваливающейся Османской империей. Переживающая промышленный подъем Америка сперва держала нейтралитет, однако в конце концов внесла весомый вклад в победу англо-французского альянса. 2) В промежутке между мировыми войнами пальма международного первенства отошла к Великобритании, хотя и Америка находилась на подъеме. Однако к началу 1930-х стремительно перевооружающаяся и проникающаяся ревизионистскими настроениями нацистская Германия, с одной стороны, и Советская Россия – с другой уже строили планы по разрушению этого статус-кво. 3) По Европе прокатилась Вторая мировая, повлекшая за собой сорокалетнее противостоя-

яние между американской и советской супердержавами, затмевавшими своей мощью все остальные страны. 4) Вслед за окончательным «поражением» Советского Союза в «холодной войне» наступил недолгий период верховенства Америки на мировой арене как единственной супердержавы мира. 5) К 2010 году при непреложном главенстве Америки все же стало очевидным формирование нового, более сложного созвездия мировых сил с растущим участием Азии.

В данной диаграмме представлены, начиная с древнеримской, основные империи, определяемые как институционализированные системы власти над многоязыковым и многонациональным сообществом, осуществляемой исполнителями, способными понимать и выполнять письменные распоряжения из центра. Диаграмма не включает недолговечное владычество над завоеванными территориями, удерживаемое лишь при жизни завоевателя. Отсчет жизни империи ведется от первого установления власти над чужеземным населением, гибелью считается утрата большей части иноземных доминионов. Диаграмма подготовлена Томом Уильямсом и Бреттом Эдкинсом.

Частота этих переделов власти свидетельствует об ускоряющемся характере перераспределения глобального баланса сил. До XX века ведущая держава могла удерживать мировое господство около столетия. Однако по мере распространения сознательной политической активности как социального явления господство теряло устойчивость и мировое лидерство становилось сложнее удерживать. Несмотря на сохраняющуюся на протяжении всего XX века гегемонию Запада, не следует забывать о внутренних конфликтах, расшатавших устои его господства.

Даже сегодня сомнения в прочности нынешнего международного лидерства Америки; утрата Европой ведущего положения на мировой арене и политическая слабость Евросоюза; тоска России по первым ролям, которые она сейчас не способна играть; прогнозируемый скорый подъем Китая на вершину мирового Олимпа; Индия, при всех ее внутренних и внешних слабостях рвущаяся оказаться в числе мировых лидеров; упорное нежелание Японии превратить свой экономический вес в политический – все это в совокупности отражает большой охват и вместе с тем большую рассредоточенность мировой власти.

3. Влияние глобального политического пробуждения

Происходящему рассредоточению мировых сил способствует такой неуловимый феномен, как политическое пробуждение народов, до недавнего времени отличавшихся политической пассивностью или подавленностью. Это пробуждение, начавшееся сперва в Центральной и Восточной Европе, затем в арабских странах, вызвано ростом взаимодействия и взаимозависимости в мире, связанном средствами мгновенной визуальной коммуникации, а также демографическим преобладанием молодежи в менее развитых обществах, состоящих из легкомобилизуемых и политически активных студентов вузов и социально ущемленных безработных. Представители обеих групп отличаются нетерпимостью по отношению к более богатым слоям и привилегированному положению коррумпированных властей. Эта враждебность к властям и привилегированности подогревает народную активность, обладающую невиданным потенциалом перерастания в масштабные беспорядки. С исторической точки зрения это явление беспрецедентно по своему универсальному охвату и динамическому влиянию. До недавнего времени народы существовали не только в изоляции друг от друга, но и в политическом вакууме. Основная масса населения большинства стран не отличалась ни политической сознательностью, ни политической активностью. Повседневные заботы сводились к тому, чтобы выжить в условиях физических и материальных лишений. Некоторым утешением служила религия, а традиции обеспечивали определенную степень культурной стабильности и периодическую общую передышку от тягот жизни. Правители были недостижимы, зачастую провозглашались проводниками Господней воли, законность их власти закреплялась наследственной преемственностью. Борьба за власть велась среди узкого круга участников, а общественные конфликты с соседями носили в основном территориальный или имущественный характер и подогревались этнической либо религиозной враждой. Политические переговоры, убеждения и амбиции были уделом привилегированного социального класса, то есть ближайшего окружения самого правителя.

По мере усложнения структуры общества на его вершине появился определенный класс людей, вовлеченных в политический дискурс и в борьбу за политическую власть. И при римском дворе, и при дворе китайского императора находились активные «серые кардиналы», больше, правда, интересующиеся дворцовыми интригами, чем широкими политическими вопросами. Однако общество развивалось, повышался уровень грамотности, и в политический диалог включалось все больше участников: земельная аристократия в сельской местности, богатые торговцы и ремесленники в растущих городах, а также узкая прослойка интеллектуалов. Народные массы тем не менее по-прежнему оставались далеки от политики, если не считать бурных, но анархичных вспышек протеста – крестьянских восстаний например.

Первым охватившим все слои общества, но географически ограниченным проявлением политического пробуждения стала Французская революция. В ней сочетались атакующий бунт низов и невиданное доселе руководство массами сверху. Она произошла в обществе, где традиционная монархия поддерживалась политически грамотной, однако внутренне расколотов аристократией и материально привилегированной церковью. Против этой структуры власти выступила также политически грамотная, но недовольная буржуазия, поднимающая народ на борьбу в ключевых муниципальных центрах, и даже крестьянство, все более убеждающееся в своей ущемленности относительно других слоев. Беспрецедентная по тем временам пропаганда посредством политических памфлетов, распространению которых способствовал печатный станок, быстро трансформировала общественное недовольство в революционные политические цели, выразившиеся в чеканном лозунге: «Свобода, равенство, братство!»

Суровая политическая встряска послужила неожиданному сплочению общественного и национального самосознания. Именно ему в той же степени, что и своему полководческому гению, обязан своими военными триумфами Наполеон. Эта волна стремительно покатилась дальше по всей Европе, сперва способствуя победам Наполеона, а затем (пробудив патриотические чувства у пруссов, австрийцев и русских) – его поражению. К 1848 году («Весне народов») большая часть Европы – прежде всего Германия, но также Италия, Польша, а затем и Венгрия – вступила в эпоху горячего патриотизма и робкого политического пробуждения. К тому времени наиболее политически грамотные европейцы уже начали проникаться демократическими идеалами не столь революционного, но политически более вдохновляющего гуманизма далекой и открытой Американской республики.

Однако менее века спустя по Европе прокатились войны, вызванные конфликтом ее собственных популистских амбиций. Две мировые войны в сочетании с неприкрытым антиимпериализмом большевистской революции способствовали глобализации массового политического пробуждения. Призывники из колоний британской и французской империй возвращались домой с новым политическим, расовым и религиозным самосознанием, но одновременно ощущением своей экономической ущемленности. Открывающийся доступ к западному высшему образованию, а значит, и к западным идеям заставлял высшие слои коренного населения европейских колоний задумываться о национализме и социализме.

Неру в Индии, Джинна в Пакистане, Сукарно в Индонезии, Нкрума в Гане и Сен-гор в Сенегале прошли путь от личного политического пробуждения до харизматичного руководства пробуждающимися народными массами, а затем и до командования национальным освобождением соответствующих стран. Внезапный прорыв Японии на политическую сцену рубежа XIX–XX веков спровоцировал параллельное политическое пробуждение и в Китае, впоследствии, впрочем, увядшее под уничижительным давлением европейских держав. Сунь Ятсен начал борьбу за возрождение Китая в начале XX века, получив возможность своими глазами наблюдать добровольную модернизацию Японии по западному образцу; другой молодой китаец, Дэн Сяопин, в это же время изучал основы марксизма в далеком Париже.

Один из самых памятных моментов моей государственной карьеры относится к 1978 году, когда я прибыл в Пекин с секретной миссией по нормализации китайско-американских отношений и по формированию взаимовыгодной коалиции против расширяющего тогда свое влияние Советского Союза. После напряженных переговоров с Дэн Сяопином в узком кругу я неожиданно получил от него приглашение на обед. Мы сидели в беседке с видом на небольшое озеро на территории Запретного города, и, когда я поинтересовался у Дэн Сяопина историей развития его политических взглядов, он начал вспоминать молодость. Совсем юным студентом он пропутешествовал из Центрального Китая (сперва на речном судне до побережья, а оттуда пароходом) на другой край света – в Париж 20-х. Эта поездка стала в буквальном смысле экскурсом в прекрасное далёко. Он рассказывал, как у него открылись глаза на социальную отсталость Китая по сравнению с Францией и как осознание униженности своего народа заставило его искать руководство к действию в учении Маркса о социальной революции как кратчайшем пути к национальному возрождению. Именно тогда в нем соединились обида за народ, политическое пробуждение и идеологическое становление, приведя к последующему участию в двух революциях – сперва под предводительством Мао, чтобы порвать с прошлым, а затем возглавленной уже им самим и направленной на строительство нового будущего страны.

За два столетия личное политическое пробуждение благодаря революции в массовых коммуникациях и постепенному распространению грамотности, особенно среди расту-

щего городского населения, превратилось в массовый феномен. Политические брошюры и появившиеся в XIX веке периодические печатные издания развивали в народе тягу к политическим переменам. Когда у среднего и высшего класса вошло в привычку регулярно читать прессу, начало крепнуть политическое сознание, теперь обсудить в светской беседе состояние государственных дел стало в порядке вещей. Приход радио в начале XX века позволил транслировать политические выступления на широкую аудиторию (вспомним Гитлера) и заставил переживать как личную драму даже происходящее в удаленных уголках мира, тем самым погружая политически пассивные прежде и полуобособленные народы в гущу политических событий.

Недавнее появление общемирового телевидения, а затем и Интернета послужило дальнейшему налаживанию связи между отрезанными прежде от мира группами населения, а также увеличило возможности политических активистов пробуждать сознательность у миллионов. Благодаря всепланетному охвату средствами массовой информации в конце XX века политические волнения превратились во всеобщие курсы уличной борьбы, в которых прежде разрозненные и обособленные политические группировки могли обмениваться тактическим опытом. Мгновенно попадая на телевизионные и компьютерные экраны по всему миру, из Непала в Боливию быстро переключивались лозунги, из Ирана в Таиланд – цветные платки, из Сараева в Газу – кадры шокирующей видеосъемки, а из Туниса в Каир – приемы уличных демонстраций. Благодаря новым средствам связи массовая политическая агитация теперь подразумевает и стремительное географическое распространение совместно набранного опыта.

В некоторых странах наблюдается так называемый демографический приоритет молодежи – непропорционально большая доля молодого населения, испытывающего трудности культурной и экономической ассимиляции. Революция в коммуникационных технологиях делает этот фактор опасным вдвойне. Образованная, но зачастую безработная и оттого отчаявшаяся и отчужденная молодежь пополняет ряды военизированных группировок. Согласно докладу международной организации Population Action International за 2007 год, 80 % гражданских конфликтов с 1970 по 1999 год происходило на фоне демографического приоритета молодежи. Немаловажно, что на Ближнем Востоке и в остальных мусульманских странах доля молодежи также выше среднего. Ирак, Афганистан, Палестина, Саудовская Аравия, Пакистан – все они обладают значительным молодежным контингентом, не находящим себе места в экономике и склонным к недовольству и воинственности. Именно в этом регионе, с востока Египта до запада Китая, растущее политическое пробуждение чревато наиболее неуправляемыми беспорядками. По сути, это демографическая пороховая бочка. Похожая потенциально опасная демографическая обстановка преобладает и в африканских странах, таких как Конго и Нигерия, а также в некоторых государствах Латинской Америки.

Под воздействие политического пробуждения попадает прежде всего молодежь, поскольку Интернет и сотовые телефоны выводят ее за сковывающие подчас рамки местной политической действительности. Кроме того, молодежь представляет собой политическую массу, наиболее склонную к агрессии. Поэтому в большинстве стран сегодняшнего мира миллионы университетских студентов являют собой эквивалент марксистского пролетариата – беспокойных, недовольных, недавно покинувших деревню рабочих начала индустриальной эпохи, подчиняющихся идеологической агитации и революционной мобилизации. Политические лозунги в СМИ переводят их зачастую смутные ощущения в простые и четкие формулы руководства к действию. Чем теснее эти лозунги будут связаны с конкретными обидами и глубинными чувствами, тем сильнее мобилизирующее воздействие. Неудивительно, что речи о демократии, власти закона и религиозной терпимости не получают такого отклика. В некоторых случаях, как, например, в Иране в 1979 году, гораздо сильнее действуют манихейские взгляды, коренящиеся в реакциях на субъективно ощущаемые расовые,

этнические и религиозные притеснения. Они гораздо лучше выражают чувства молодежи, оправдывая их жажду справедливости и даже иногда мести.

Убедительным примером того, какими последствиями чревато растущее политическое пробуждение, характеризующееся сочетанием демографического приоритета недовольной молодежи со все более доступными средствами массовой коммуникации, могут служить народные беспорядки в Северной Африке и на Ближнем Востоке в начале 2011 года, направленные против коррумпированных и безответственных государственных властей. Непосредственным поводом послужило недовольство безработицей, поражение в политических правах и затянувшееся действие «чрезвычайных» мер. На власти, десятилетиями чувствовавшие себя в безопасности, неожиданно обрушилось политическое пробуждение, зревшее на Ближнем Востоке с самого окончания имперской эпохи. Взаимосвязь между ущемленной в гражданских правах, но политически разбуженной молодежью Ближнего Востока и революцией в средствах коммуникации стала в нынешнем столетии непреложной геополитической данностью.

На ранних стадиях политическое пробуждение отличается особой лихорадочностью и агрессией. Накалу способствует глубокое чувство исторически усугубленной уверенности в собственной правоте. Кроме того, вначале политическое пробуждение сосредоточено на национальном, этническом и религиозном самоопределении, которое выливается в оппозицию внешнему врагу, а не в абстрактные политические концепции. Так, патриотически-националистические настроения в Европе изначально вспыхивали в ответ на посягательства Наполеона. Расшевелить Японию конца периода Эдо (правления клана Токугава) в XIX веке помогла пропаганда против иностранного влияния, которая к первой половине XX века обернулась экспансивным милитаристским национализмом. В Китае протест против имперского владычества, вскипевший во время Боксерского восстания на рубеже XIX–XX веков, постепенно перерастал в националистическую революцию и гражданские войны.

В нынешнем постколониальном мире политически пробудившихся объединяет общий взгляд на историю, который трактует их ущемленность относительно других, длительное притеснение извне, отсутствие самоуважения и личную неустроенность как коллективное наследие западного господства. Острые антиколониального протеста, подогреваемого еще не изгладившимися воспоминаниями о британском, французском, португальском, испанском, бельгийском, голландском, итальянском и немецком колониальном владычестве, направлено на Запад. В мусульманских странах Ближнего Востока, несмотря на преклонение многих молодых мусульман перед американской массовой культурой, велико недовольство американским военным вмешательством на Ближнем Востоке и поддержкой Израиля, которые рассматриваются как проявления западного империализма, а значит, и основная причина их ущемленности³.

Внимательный анализ этого явления вскоре после окончания «холодной войны» позволил заключить, что «общий фундаментальный элемент культуры незападных народов —

³ По данным опроса международного Исследовательского центра Пью за 2010 год, доля положительно относящихся к Соединенным Штатам составила 17 % в Турции, 17 % в Египте, 21 % в Иордании, 52 % в Ливане и 17 % в Пакистане. Доля респондентов, полагающих, что Соединенные Штаты в своих внешнеполитических действиях учитывают интересы их страны «в достаточной» или «в значительной» степени, составила (согласно опросу 2010 года) 9 % в Турции, 15 % в Египте, 26 % в Иордании, 19 % в Ливане и 22 % в Пакистане. В опросе за 2008 год доля респондентов, у которых эгоизм ассоциировался с жителями Запада, составила 81 % в Индонезии, 73 % в Иордании, 69 % в Турции, 67 % у британских мусульман, 63 % в Египте, 57 % среди немецких мусульман, 56 % в Нигерии, 54 % в Пакистане, 51 % среди французских мусульман и 50 % среди испанских мусульман. Согласно опросу 2008 года, доля респондентов, ассоциирующих с жителями Запада высокомерие, составила 74 % в Нигерии, 72 % в Индонезии, 67 % в Турции, 64 % среди британских мусульман, 53 % в Пакистане, 49 % в Египте, 48 % в Иордании, 48 % среди немецких мусульман, 45 % среди французских и 43 % среди испанских.

это вызванное Западом глубочайшее негодование»⁴, что подтверждают, например, строки сенегальского поэта Давида Диопа из стихотворения «Стервятники»:

В те дни,
Когда цивилизация била нас ногами в лицо,
Когда в наши нахмуренные лбы плескали
святой водой,
Стервятники в тени своих когтей
Возводили окровавленный памятник своему
попечительству...

Стихотворение выразило антиимпериалистические чувства значительной части новой интеллигенции пост-колониальных регионов. Если мировоззрение политически разбуженного населения развивающихся стран будет складываться из подобной неприязни к Западу, более благотворные демократические ценности, которые Запад, хочется надеяться, нес миру на заре XXI века, могут утратить историческую актуальность.

Примечательны также два дальнейших косвенных последствия глобального политического пробуждения. Во-первых, оно означает конец относительно недорогих односторонних военных кампаний, проводимых технологически более совершенными экспедиционными силами Запада против политически пассивного, плохо вооруженного и обычно разрозненного местного населения. В XIX веке воины Центральной Африки в лобовом столкновении с британцами, кавказцы – с российскими войсками или индейцы – с американскими обычно терпели стопроцентные потери по сравнению со своими более организованными и лучше вооруженными противниками. Политическое пробуждение способствует сплоченности, тем самым делая внешнее доминирование более трудоемким, как демонстрирует в последние годы высокомотивированное, более стойкое и тактически изобретательное народное сопротивление («народная война») вьетнамцев, алжирцев, чеченцев и афганцев иностранному вмешательству. В этой борьбе победа не всегда достается тем, кто имеет технологическое преимущество.

Во-вторых, распространяющееся политическое пробуждение подчеркивает прежде незаметную грань соревновательной международной политики – глобальное системное соперничество. До наступления индустриальной эры центральным и определяющим фактором в борьбе за доминирование было военное превосходство (вооружение, организация, мотивация, подготовка и стратегическое командование), подкрепленное соответствующими финансами, притом что зачастую исход соперничества решался одной-единственной морской или сухопутной битвой.

В наше время существенным компонентом национального влияния в глазах общественности становятся сравнительные показатели развития. До XIX века никто не принимал во внимание (да они и не были доступны) сравнительные социальные характеристики в соперничестве между Францией и Великобританией, Австро-Венгрией и Османской империей, не говоря уже о Китае и Японии. Однако менее чем за столетие сравнение социальных характеристик обрело большую значимость в борьбе за создание положительного образа в глазах международной общественности, особенно для главных конкурентов, таких как СССР и США в годы «холодной войны» или для США и Китая в нынешнее время. Сейчас варьирующиеся социальные условия принимаются в расчет повсеместно. Быстрый и неограниченный доступ к международным новостям и информации, доступность многочис-

⁴ Donald J. Puchala, «The History of the Future of International Relations», *Ethics and International Relations*, vol. 8, 1994, p. 197.

ленных социальных и экономических индексов, растущее взаимодействие между географически разделенными экономиками и биржами, распространенная привычка полагаться на телевидение и Интернет – все это приводит к непрерывному сравнению текущих и прогнозируемых успехов основных социальных систем. Системное соперничество между основными конкурентами находится под пристальным наблюдением, и его исход в глазах мировой общественности во многом зависит от результативности – тщательно измеренной и спрогнозированной на десятилетия вперед – экономики и социальной системы обеих стран по сравнению друг с другом.

В результате мир в беспрецедентной степени формируется под влиянием общественных эмоций, коллективных представлений и конфликтующих национальных идей, уже не подчиняясь объективной власти какого-то одного региона, обособленного в политическом и культурном отношении. Поэтому хотя Запад как таковой еще жив, его глобальное доминирование уже в прошлом. Что, в свою очередь, подчеркивает зависимость будущей роли Запада от Америки, от ее внутренней стабильности и исторической релевантности внешней политики. От прочности американского строя и от действий Америки за рубежом зависят место и роль Запада в новом объективном и субъективном глобальном контексте. Оба вопроса сейчас остаются открытыми, и их конструктивное решение – насущная и единственная в своем роде задача Штатов.

Таким образом, если Америка хочет и дальше играть конструктивную глобальную роль, привлекательность ее системы необходимо поддерживать, демонстрируя актуальность ее основополагающих принципов, динамизм ее экономической модели, добрую волю народа и правительства. Только так Америка сможет вернуть свой исторический импульс, особенно учитывая растущие симпатии к Китаю у «третьего мира». Так, например, выступая непримиримым борцом за антиколониальную политику в конце Второй мировой, именно Штаты стали предпочтительной (по сравнению в первую очередь с Великобританией) моделью для государств, стремящихся достичь модернизации путем свободного предпринимательства. Когда государство держит в руках вожжи истории, ему легче отстаивать свои интересы. И хотя ярко выраженной идеологической альтернативы Соединенным Штатам в этом веке еще не появилось, если американская система утратит в глазах общественности свою актуальность, ее вполне может затмить своими успехами китайская.

В таком случае опасность грозит всему Западу в целом. Идейный закат Америки ослабит политическую прочность и международное влияние Европы, которая останется одиноким островом в потенциально более бурном политическом море. Евросоюз – с его стареющим населением, снижением уровня рождаемости, государственными долгами, превышающими американские и, на данном этапе исторического развития отсутствием общеевропейского стремления стать ведущей державой – вряд ли сможет добиться былой притягательности Америки или исполнить ее глобальную роль.

Следовательно, Евросоюз рискует потерять статус образца для подражания у других регионов. Слишком богатый для неимущих краев, он притягивает иммигрантов, но не служит примером. Слишком пассивный в вопросах международной безопасности, он не обладает достаточным влиянием, чтобы помешать Америке проводить усугубляющую глобальный раскол политику, особенно в исламских странах. Слишком эгоцентричный, он ведет себя так, будто его главная политическая задача – стать самым благоустроенным в мире домом для престарелых. Слишком закосневший, он боится культурного многообразия. И когда половина геополитического Запада отстраняется таким образом от активного участия в обеспечении глобальной геополитической стабильности в то время, когда новый баланс мировых сил нуждается в единстве и общем видении будущего, не исключено, что наследием Запада, против его воли, окажется глобальная неразбериха и рост политического экстремизма.

Как ни парадоксально, именно в этом случае Америке, как никогда прежде, необходимо срочно обрести «второе дыхание».

Часть II

Закат «Американской мечты»

Хорошо это или плохо, Америка находится в центре международного внимания. Ее многонациональная демократия больше любой другой страны вызывала и вызывает восхищение, зависть, а временами и неприятие со стороны политически сознательной мировой общественности. Из этой основополагающей данности вытекают несколько ключевых вопросов: по-прежнему ли американская система служит достойным примером для подражания остальным странам мира? Считают ли политически пробудившиеся массы Америку обнадеживающим символом их собственного будущего? Кажется ли им Америка источником положительного влияния на мировые события? Учитывая, что мировое влияние Америки конструктивно зависит от того, как воспринимает мир ее социальный строй и его глобальную роль, неблагоприятная внутренняя обстановка и враждебное отношение мировой общественности к внешнеполитическим действиям Америки непременно скажутся на ее статусе. А значит, Соединенные Штаты, с их неотъемлемыми и уникальными в историческом отношении преимуществами, должны преодолеть внутренние противоречия и переориентировать буксующую внешнюю политику, чтобы вернуть восхищение остальных народов и возродить системное первенство.

1. Общая «Американская мечта»

Десятилетиями «Американская мечта» будоражила умы миллионов, маня их к американским берегам. Она и сегодня продолжает привлекать наиболее мотивированных, не только из числа получивших или собирающихся получить высшее образование, но и тех, кто жаждет вырваться из порочного круга нищеты собственной, менее благополучной, родины. Многие иностранные ученые, врачи и предприниматели по-прежнему видят в Америке больше возможностей для профессионального развития, чем у себя дома. Их более молодые коллеги стремятся получить в Америке послевузовское образование, поскольку американская ученая степень повышает их карьерные перспективы как на родине, так и за рубежом. Из почти миллиона студентов, обучающихся в американских вузах ежегодно, многие остаются в Штатах, польстившись на заманчивые возможности. Аналогичным образом доведенные до нищеты жители Центральной Америки, которые – зачастую с риском для жизни – пробиваются на американский рынок низкоквалифицированного труда, делают личный выбор, отличающий их от тех, кто не отваживается на рискованное предприятие. Для таких мотивированных личностей Америка по-прежнему остается самым привлекательным в мире трамплином в светлое будущее. И в конечном итоге от исполнения их личной мечты выигрывает именно Америка.

Секрет устойчивой исторической притягательности Америки – сочетание идеализма и материализма, которые служат одинаково мощными источниками мотивации для человеческой психики. Идеализм выявляет в человеке лучшие качества, поскольку поощряет ставить других выше себя и требует социального и политического уважения ко всем людям как носителям священного начала. Составители Американской конституции выразили этот идеализм в попытке структурировать политическую систему, защищающую общие основополагающие истины, касающиеся «неотъемлемых прав» человека (при этом, к сожалению, не сумев законодательно запретить рабство). Таким образом был институционализирован политический идеализм. В то же время сами американские просторы и отсутствие феодальной традиции сделали молодую страну с ее бескрайними границами кладезем материальных возможностей для тех, кто стремился не только к свободе, но и к обогащению. В гражданском и предпринимательском плане Америка могла предложить то, чего не было у Европы и остального мира.

Эта двойная идеалистическо-материалистическая привлекательность отличала Америку с самого начала. Кроме того, она притягивала с другого берега Атлантики тех, кто желал перенести на родную почву радужные перспективы, открытые Войной за независимость. И Лафайет во Франции, и Костюшко в Польше времен этой войны, и Лайош Кошут в Венгрии середины XIX века своей преданностью американским идеалам популяризировали в Европе образ нового общества, достойного подражания. Дальнейшему восхищению среди европейцев способствовали Токвиль, разобравший молодую американскую демократию на молекулы, и Марк Твен, позволивший приобщиться к уникальной атмосфере американского Запада.

Однако ничто из этого не сдвинуло бы с места огромные массы иммигрантов, если бы не материальные возможности, которыми изобиловала молодая страна. Людей манила свободная земля и отсутствие феодальных властей. Экономическая экспансия за счет дешевой иммигрантской рабочей силы давала неслыханные возможности развития бизнеса. Письма иммигрантов родным рисовали заманчивую (но зачастую сильно приукрашенную) картину успехов в погоне за «Американской мечтой». Некоторым, увы, на собственном печальном опыте приходилось убедиться, что Америка вовсе не золотое дно.

Отсутствие (в отличие от заокеанских реалий) серьезной внешней угрозы и ощущение безопасной отдаленности, непривычное чувство личной и религиозной свободы, а также открывающиеся у западных границ широкие материальные возможности приравнивали идеализированную картину новой жизни к реальной действительности. Так маскировалось (и даже оправдывалось) то, что в противном случае вызвало бы серьезный протест: насильственное выселение, а затем и истребление индейцев (в 1830 году конгресс одобрил «Закон о переселении индейцев», ставший первым примером узаконенной этнической чистки), и не изжитое рабство, переросшее в дальнейшее притеснение и сегрегацию темнокожих. Однако глубоко идеализированная картина американской действительности, распространяемая самими американцами, обеляла их не только в собственных глазах, но и за рубежом, особенно в Европе.

В результате менее отлакированный образ Соединенных Штатов, сложившийся у ближайшего южного соседа Америки, практически не принимался во внимание до первой четверти XX века. Для Мексики новая Америка выглядела совсем по-другому: экспансионистская, захватническая держава, безжалостно преследующая свои материальные выгоды, вынашивающая империалистические амбиции и лицемерящая в своем демократизме. И хотя репутация самой Мексики тоже не безупречна, ее обида на Америку во многом исторически оправдана. Америка расширялась за счет захвата мексиканских территорий, с имперским размахом и жадностью к чужим землям, не слишком сочетающимися с привлекательным образом молодой американской республики в глазах международной общественности. Вскоре размах этой экспансии позволил водрузить американский флаг в Гавайском королевстве, а еще через несколько десятилетий – в противоположной части Тихого океана, на Филиппинах (откуда Штаты ушли только после Второй мировой). Похожий опыт взаимоотношений с США имеется и у Кубы, и у других стран Центральной Америки.

В других местах отношение к Штатам в XIX – начале XX века было более противоречивым. Одни южноамериканские страны поначалу восхищались противостоянием Штатов европейскому господству, другие подражали их конституционным нововведениям. Но доктрина Монро, закрывавшая Западное полушарие для европейского вмешательства, вызвала сомнения у некоторых южноамериканских стран относительно ее истинных мотивов. Постепенно назревал политический и культурный антагонизм, особенно среди политически активных слоев интеллигенции среднего класса. Две южноамериканские страны с региональными амбициями – Аргентина Перрона и Бразилия Варгаса в открытую выступили против регионального господства Штатов в XX веке. Страны Азии, географически более удаленные и запоздавшие в своем политическом пробуждении, также восхищались впечатляющими материальными успехами Америки, однако в отличие от Европы идеологической близости не чувствовали и научную базу не подводили.

В XX веке глобальный статус Америки два раза достигал невиданных высот. Первый раз это случилось непосредственно после Первой мировой, второй – по окончании «холодной войны». Новый международный статус Америки воплотился в идеалистических Четырнадцати пунктах президента Вильсона, резко контрастировавших с европейским имперским и колониальным наследием. Для международных властей было очевидно, что ощутимая военная интервенция Штатов во время Первой мировой и, что еще важнее, главенствующая роль в определении новых принципов национального самоопределения во внутриевропейском перераспределении сил знаменуют появление на мировой арене могущественного государства, наделенного уникальной идеологической и материальной притягательностью. Эту притягательность не умаляло даже то, что идеализированная Америка впервые за всю свою историю закрывала ворота для иммиграции. Гораздо важнее на том недолгом этапе было ощущение, что глобальное вмешательство Америки позволит изменить сложившуюся картину международных отношений.

Однако Великая депрессия, грянувшая всего десятилетие спустя, стала тревожным симптомом внутренней уязвимости американского строя и ударом по глобальному престижу Штатов. Внезапный экономический кризис, повлекший за собой массовую безработицу и социальные тяготы, выявил как фундаментальные недостатки и слабости американского капиталистического строя, так и закономерное отсутствие эффективной системы социальной защиты (с которой как раз в то время начинала экспериментировать Европа). Тем не менее мифические представления об Америке как о кладезе открывающихся возможностей никуда не делись, прежде всего из-за нацистской Германии, в открытую противопоставлявшей себя общим для Европы и Америки ценностям. Более того, когда разразилась Вторая мировая, Америка стала последней надеждой Европы. Атлантическая хартия кодифицировала эти общие поставленные под угрозу ценности, признавая, по сути, что их сохранность зависит в конечном итоге от Америки. Америка стала главным приютом для европейских иммигрантов, бегущих от поднимающего голову фашизма, от ужасов войны и все больше проникающихся страхом перед распространением коммунистической идеологии. По сравнению с прежними временами среди иммигрантов повысилась доля носителей высшего образования, что ощутимо способствовало социальному развитию страны и повышало ее международный престиж.

Вскоре после окончания Второй мировой перед Америкой встала новая проблема – идеологическое соперничество с Советским Союзом. Новый соперник, помимо того что оказался серьезным конкурентом в борьбе за мировое господство, выдвигал смелое альтернативное решение в общечеловеческих поисках пути к светлому будущему. Великая депрессия на Западе и одновременное появление Советского Союза как основного победителя Второй мировой (к концу 1940-х Москва главенствовала на большей части Евразии, включая в то время даже Китай) способствовали укреплению престижа советского коммунизма. Его грубое и идеологически более хитроумное сочетание идеализма и материализма составило в мировом масштабе серьезную конкуренцию «Американской мечте».

Со своей революционной колыбели молодое Советское государство утверждало, что работает над созданием первого в мире идеально справедливого общества. Опираясь на уникальные идеи марксизма, СССР возвещал новую эру целенаправленно планируемых социальных нововведений, базирующихся на эгалитарных принципах, насильственно институционализированных просвещенным руководством. Навязанный идеализм на службе рационального материализма оказался заразной утопической формулой.

Несмотря на лежащий в ее основе массовый террор, принудительный труд, массовые депортации и истребление народа с государственной подачи, советская формула вызывала отклик многих представителей политически пробудившегося человечества, потрясенного двумя кровопролитнейшими войнами. Она будоражила умы беднейших слоев более развитого Запада, чью веру в промышленный прогресс подорвала Великая депрессия; азиатских и африканских народов, освобождающихся от колониального гнета, и в особенности радикальных интеллектуалов, пытающихся в этот бурный век обрести идейную почву под ногами. Даже сразу после Октябрьской революции, когда эксперимент еще только набирал обороты на фоне социальных лишений и гражданской войны, у посещающих страну иностранных интеллектуалов он вызывал симпатию, сравнимую с симпатией к молодой Америке. «Я видел будущее, и оно работает», – провозгласил увлеченный левыми идеями американский писатель и журналист Линкольн Стеффенс после краткого визита в Россию в 1919 году.

В последующие десятилетия именно на этой вере строилось превознесение советского эксперимента, игнорирующее и даже оправдывающее беспрецедентный размах массового истребления. Жан-Поль Сартр, Ким Филби, англиканские священники и квакерские проповедники, африканские и азиатские борцы с колониальным режимом и даже бывший вице-

президент Соединенных Штатов, посетивший советский исправительный лагерь, представленный ему как центр социальной реабилитации, – все распространяли убеждение, что советская модель намеренно «рационализированного» строительства будущего – это шаг вперед по сравнению со спонтанным и непредсказуемым американским путем развития. В эпоху, когда социальная инженерия впервые продемонстрировала свою состоятельность, это убеждение оказалось созвучно многим.

Обманчивую привлекательность советской модели подкрепляли утверждения, что в Советском Союзе наконец близилась к осуществлению мечта о социальном равенстве, полной занятости и доступном всеобщем здравоохранении. Кроме того, к середине 1960-х советские успехи на начальном этапе космического соревнования с США, не говоря уже о формировании российского ядерного арсенала, предзнаменовали неизбежный, казалось бы, триумф Советского Союза в идеалистическо-материалистическом соперничестве с Америкой. Подобный исход официально прогнозировался и самими советскими руководителями, заявлявшими с трибуны, что к 1980-м советская экономика перегонит американскую.

Первое открытое противостояние с Америкой неожиданно оборвалось четверть века спустя – как раз в те годы, на которые Кремль прогнозировал безоговорочную победу советского строя. По ряду причин, корнящихся как в просчетах советской внешней политики, так и во внутренней идеологической бесплодности, развале управленческого аппарата и социально-экономическом застое, не говоря уже о растущей политической напряженности в Восточной Европе и враждебности с китайской стороны, Советский Союз рухнул. В результате его падения обнажилась ироническая истина: почти во всех аспектах социального устройства притязания на системное первенство, подхваченные иностранными почитателями, основывались на фальши. Этот огромный просчет маскировался интеллектуально притягательной претензией на «научное» социальное руководство, провозглашаемое правящей верхушкой, которая цинично скрывала собственное привилегированное положение, осуществляя тоталитарный контроль над остальным народом. Как только этот контроль дал трещину, под осыпающейся штукатуркой советской политической системы обнажилось неприглядное в своей относительной отсталости и бедности нутро. В действительности Советский Союз мог соперничать с Америкой только в одной сфере – военной мощи. Так во второй раз на протяжении XX века Америка продемонстрировала, что не имеет себе равных.

Какое-то время после 1991 года казалось, что Америка теперь может долго почивать на лаврах – соперников не предвидится, зато подражателей по всему свету хоть отбавляй, и история как будто приостановилась. Считая системное соперничество законченным, американские руководители, наступая на те же грабли, что и их потерпевшие поражение советские конкуренты, начали с уверенностью называть наступающий XXI век американским. Задал тон президент Билл Клинтон в своей второй инаугурационной речи 20 января 1997 года: «На этой последней президентской инаугурации XX века давайте обратим взоры к тому, что ждет нас в следующем столетии... На заре XXI века Америка выступает единственной в мире незаменимой державой». Ему вторил с еще большим апломбом сменивший его на президентском посту Джордж Буш-младший: «Наша страна избрана Господом и назначена историей образцом для подражания всему остальному миру» (28 августа 2000 года).

Однако вскоре впечатляющий скачок Китая на вершину мировой иерархии – всколыхнувший унявшуюся со времен блестящего экономического подъема Японии 1980-х тревогу в американской душе – и растущий в 2000-х государственный долг вызвали сомнения относительно устойчивости американской экономики в долгосрочной перспективе. После 11 сентября неопределенная «война с террором», переросшая в 2003 году в одностороннюю войну против Ирака, способствовала распространению неприятия внешней политики Штатов даже среди их друзей. Грянувший затем в 2008–2009 годах финансовый кризис подорвал веру

мировой общественности в долговечность экономического первенства США, одновременно ставя под вопрос социальную справедливость и деловую этику американского строя.

Но даже финансовый кризис и сопровождающий его экономический спад 2007–2009 годов – в сочетании со вскрывшимися безрассудными спекуляциями Уолл-стрит, не сопоставимыми с представлениями о социально ответственном и продуктивном капитализме, – не смогли полностью стереть глубоко укоренившийся за рубежом образ Америки, успешно объединяющий политический идеализм с экономическим материализмом. Поразительно, насколько скоро после кризиса канцлер Германии Ангела Меркель поспешила в своем обращении к конгрессу США (3 ноября 2009 года) выразить «страстную» приверженность «Американской мечте». Она определила ее как «возможность каждого человека добиться успеха в жизни своими собственными силами», добавив убежденно: «Ничто так не вдохновляет меня, не подстегивает и не наполняет положительными эмоциями, как ощущение свободы, присущей американскому строю».

Однако в словах Меркель таилось предупреждение о том, как отреагирует Запад, если имидж Америки все же померкнет. И он действительно начал меркнуть, еще до кризиса 2008 года. Этот имидж сильнее всего манил на расстоянии, как было до второй половины XX века, а также когда Америка выступала защитницей демократического Запада в двух мировых войнах или необходимым противовесом советскому тоталитаризму, и особенно когда она вышла безоговорочной победительницей в «холодной войне».

И все же в новой исторической картине, где Америка оказалась на вершине мира, ее внутривнутриполитические недостатки уже не могли ускользнуть от пристального критического внимания. Массовая идеализация Америки сменилась более скептической оценкой. И мир убедился, что Америку – остающуюся надеждой всех тех многочисленных амбициозных личностей, желающих приобщиться к «Американской мечте», – одолевают серьезные функциональные проблемы: массивный растущий государственный долг, усугубляющееся социальное неравенство, превозносящая материальные блага потребительская культура, подверженная алчной спекуляции финансовая система и поляризованный государственный строй.

2. Долой самообман!

Американцы должны осознать, что наш престиж за рубежом все больше будет зависеть от способности справиться с внутренними проблемами. Главным условием для любой адекватной оценки глобальных перспектив Америки сейчас являются государственные меры в отношении необходимых системных преобразований. Что требует от американцев ясно представлять себе как слабые стороны страны в глазах мировой общественности, так и сохраняющиеся сильные. Трезвая оценка – необходимая отправная точка для реформ, без которых Америка не сможет удерживать глобальное лидерство, защищая основополагающие ценности своего строя.

Главных поводов для беспокойства у Америки насчитывается шесть.

Первый – это растущий и грозящий стать непосильным для экономики государственный долг. Согласно докладу Бюджетного управления конгресса «О состоянии и перспективах бюджета и экономики» от августа 2010 года, американский государственный долг в процентах от ВВП насчитывает около 60 % – пугающая цифра, но не настолько, чтобы поставить США в ряд с ведущими мировыми должниками (национальный долг Японии, например, составляет около 115 % ВВП чистой задолженности, согласно подсчетам ОЭСР, хотя основным кредитором является японский же банк; у Греции и Италии – по 100 %). Однако структурный дефицит бюджета, вызванный надвигающимся уходом на пенсию поколения «бэби-бумеров», грозит со временем сильно обострить проблему. Согласно исследованию Брукингского института (апрель 2010), прогнозирующего долг США с учетом различных переменных факторов, к 2025 году национальный долг превысит в процентном отношении экономический взлет времен после Второй мировой войны, когда ВВП составлял 108,6 %. Учитывая, что оплата этой расходной статьи потребует существенного повышения налогов, на которое государство сейчас пойти не готово, растущий национальный долг неизбежно увеличит уязвимость США перед махинациями главных кредиторов, таких как Китай, поставит под удар вес американского доллара как резервной мировой валюты, ослабит роль Америки как ведущей экономической модели и соответственно ее лидерство в таких организациях, как «Большая двадцатка», Всемирный банк, МВФ, а также ограничит возможности Штатов по внутривнутриполитическому улучшению и даже способность изыскать средства на ведение необходимых войн.

Эти мрачные перспективы достаточно емко сформулировали два опытных лоббиста государственной политики Роджер Альтман и Ричард Хаас в своей статье для *Foreign Affairs* (2010) под названием «Американская расточительность и американская власть» в следующих пессимистичных строчках: «Фискальные перспективы после 2020 года – это настоящий апокалипсис. <...> Соединенные Штаты стремительно приближаются к переломному моменту: либо страна наведет порядок в финансовой сфере, вернув тем самым предпосылки к мировому лидерству, либо, не сумев этого сделать, вынуждена будет пожинать внутривнутриполитические и внешнеполитические плоды». Если Америка по-прежнему будет откладывать проведение серьезных реформ, одновременно уменьшающих расходы и увеличивающих доходы, она с большой долей вероятности рискует повторить судьбу потерпевших финансовый крах великих держав прошлого, среди которых и Древний Рим, и Великобритания XX века.

Вторым вызывающим опасения пунктом является подгнившая финансовая система. Опасна она по двум причинам: во-первых, это системная мина замедленного действия, поскольку своими рискованными действиями зарвавшиеся финансисты ставят под удар не только Америку, но и глобальную экономику; и во-вторых, они провоцируют проблемы нравственного характера, вызывая негодование у сограждан и подрывая престиж Америки

за рубежом обострением социальных дилемм страны. Неумеренность, неуравновешенность и безрассудство американских инвестиционных банков и торговых домов – поощряемое безответственным отношением конгресса к разгосударствлению и финансированию домовладения – и алчность спекулянтов Уолл-стрит привели к финансовому кризису 2008 года и последующему экономическому спаду, обрекая миллионы на экономические тяготы⁵.

Усугубляя ситуацию, финансовые спекулянты в банках и хеджевых фондах, не подлежащих контролю держателей акций, срывали огромные куши, не компенсируя их вкладом в экономику в виде инноваций или создания рабочих мест. Кроме того, кризис 2008 года выявил уже обращавший на себя внимание разительный разрыв между уровнем жизни финансовой верхушки и остального населения страны, не говоря уже о развивающихся странах. Согласно рабочему отчету Национального бюро экономических исследований, соотношение уровня заработной платы в финансовом секторе к другим секторам частной экономики непосредственно перед финансовым кризисом 2008 года превышало 1,7 – такого соотношения история не помнит со времен кануна Второй мировой. Чтобы сохранить экономическую конкурентоспособность Соединенных Штатов, необходимо реформировать финансовую систему путем введения простого, но эффективного регулирования, повышающего прозрачность и финансовую ответственность и одновременно работающего на общий экономический рост.

⁵ В книге Роджера Ловенстайна «Конец Уолл-стрит» (Penguin Press, New York, 2010) представлены следующие красноречивые данные по социально-экономическим последствиям финансового кризиса 2008–2009 гг., на который страна обрела себя сама: • Средний дефицит бюджета в странах «Большой двадцатки» возрос с 1 % до 8 %. • К 2009 году доля национального долга на каждого американца составляла 24 000 долларов, 2500 долларов из которых приходилось на долг Китаю. • Национальное богатство Америки сократилось с 64 триллионов долларов до 51 триллиона долларов. • Уровень безработицы в Америке достиг 10,2 %. • Соединенные Штаты потеряли восемь миллионов рабочих мест. • Число отчужденный заложенной недвижимости возросло с 74 000 в месяц в 2005 году до 280 000 в месяц летом 2008 года и подскочило до 360 000 в июле 2009 года. • В 2009 году в неделю лопалось по три банка. • Весной 2009 года 15 миллионов американских семей задолжали по своим закладным суммы, превышающие стоимость самой недвижимости. • Произошло сокращение ВВП на 3,8 % – самое крупное сокращение со времен демобилизации после Второй мировой войны. • Америка пережила самый долгий экономический спад со времен 1930-х. • Рынок ценных бумаг упал на 57 % – самое большое падение со времен Великой депрессии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.